

Плач-памфлет о крепостной доле

 "Литература и марксизм", 1931, кн. 4
 OCR Бычков М.Н. mailto:bm@lib.ru

Достигшее своего исторического апогея при Екатерине II русское крепостное право вызвало к себе, как известно, различную оценку со стороны поэтов и драматургов той эпохи, причем эта оценка принадлежит почти исключительно представителям дворянства. Одним из них дворянская психология не помешала выступить с резкими обличениями "рабства". У других можно найти, наоборот, примеры идеализации взаимоотношений между помещиками и крестьянами, особенно ярко выраженные в тех классово-дворянских операх второй половины XVIII века, где крестьяне вводятся в идиллию мирной сельской жизни и сами заявляют зрителям о том, как они счастливы своею скромной участью {Ю. Веселовский. Народ и деревня в русской поэзии второй половины XVIII века, гл. II и III. "Литературные очерки". М. 1900. Стр. 433-496.}... Но еще несравненно хуже обстоит дело с литературой, освещающей положение крепостных с и х с о б с т в е н н о й т о ч к и з р е н и я. Письменных памятников, куда относящихся, сохранилось чрезвычайно мало и за XVIII, и даже за XIX век. Причина этому лежит, конечно, в общей малограмотности, а также в социальной забитости простонародья, вследствие чего массы крепостного люда довольствовались устной традицией, вкладывая в песню, в сказку мотивы своего горя или протеста {Ср. Н. Л. Бродский. Крепостное право в народной поэзии. "Великая реформа", т. IV. М. 1911. Стр. 1-33.}. Если имели место, сравнительно в редких случаях, попытки высказаться литературно (письменно), то они были обречены только на рукописное существование. В печать они проникнуть не могли, не удовлетворяя классовым интересам тогдашнего образованного общества, а тем более идя в разрез с требованиями цензуры.

До сих пор были изданы всего лишь два подобных произведения XVIII в., принадлежащие екатерининской эпохе: "Плач холопов" и "Стихи крепостного живописца" {"Почин" - сборник Общества любителей российской словесности. М. 1895, "стр. 11-14 (перепечатка того же текста "Плача" в хрестоматии "К воле", изд. Универсальной библиотеки); Нижегородский сборник, изданный губернским статистическим комитетом, под редакцией А. С. Гацисского, Н.-Новг. 1890. Стр. 555-566. Позднейшие, очень беглые замечания о том и другом памятниках делает А. Ревякин в "Антологии крестьянской литературы послеоктябрьской эпохи" (ГИХЛ. М. 1931), см. Предисловие, стр. 7-9.}. То и другое уцелели в современных написанию текстах, - протографичность второго из них даже явствует прямо из того обстоятельства, что "Стихи крепостного живописца" входят в состав следственного дела о побеге, в 1787 г., дворового человека, живописца по ремеслу, от помещика, князя Долгорукова. Публикуемое теперь третье произведение аналогичного характера, но принадлежащее самому концу XVIII или началу XIX века, опять-таки, как текст, носит все признаки близости к первооригиналу и таким образом не представляет отклонения от судьбы памятников, не поддерживаемых дворянской читательской средой.

Стихотворная форма оказывалась, повидимому, пригоднее прозаической для развития темы о рабстве и несправедливости крестьян. Литературно выразить жалобу на положение свое личное или своего социально-угнетенного класса большая часть крепостных стихотворцев едва ли сумела бы, не находясь под воздействием устной лирической, а иногда и эпической песни; действительно, лиризм "Стихов крепостного живописца" совмещается с приемами сказа, напоминающими былинные; лиризм "Плача холопов" тематически оправдывается интересною параллелью в лице одной из песен собрания П. В. Киреевского - песни "про свое житье-бытье, про крестьянских мужиков" {Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия: вып. II, часть 2 (М. 1929), No 2372.}. Было бы, впрочем, ошибочно только указанному воздействию приписывать обращение к стихам, особенно рифмованным. На композицию влияла, конечно, со своей стороны искусственная виршевая поэзия, проникающая в народ разными путями, в том числе путем непосредственной прививки стихотворства крепостным их помещиками {См. у В. И. Семевского - Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Том первый (СПб., 1903), стр. 155-156.}. Равным образом не мог не влиять широко популярный в XVIII в. лубок с его рифмованными, прибауточного склада пояснениями рисунков. Само собою разумеется, роль лубка уместна лишь там, где достигалось комическое впечатление, облеченное в юмор по отношению к